

1865г.

Т Д

9
~~68743~~

ВОСПОМНАНІЕ

О

С. В. ЕШЕВСКОМЪ.

Перепечатывая ниже, изъ № 133 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, статью г. Бестужева-Рюмина, дополнимъ, на сколько можемъ, этотъ некрологъ личными нашими воспоминаніями о томъ, кто такъ преждевременно сошолъ въ могилу, и въ комъ такъ много потеряла русская наука — о *Степанѣ Васильевичѣ Ешевскомъ*.

Время, проведенное С. В. Ешевскимъ въ Казани, т. е. полтора академическихъ года, съ декабря 1855-го по лѣто 1857-го, впродолженіе которыхъ онъ прочиталъ въ казанскомъ университетѣ курсъ русской исторіи отъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны до воцаренія императора Петра III-го (*) — второе полугодіе 18⁵⁵/₅₆ г., и курсъ пропедевтики русской исторіи — 18⁵⁶/₅₇ г., осталось у меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній первыхъ лѣтъ моей юности.

(*) Царствованію императора Петра III-го С. В. Ешевскій посвятилъ лекціи двѣ только, на которыхъ онъ указалъ намъ источники для изученія его, съ краткою, но вѣрною характеристикою ихъ. Нужно замѣтить, что собственно русская исторія не была спеціальностью С. В. Ешевскаго, который всегда исключительно занимался всеобщей исторіей; но такъ обширны были научныя средства молодого учоваго, что взявшись за предметъ, ему не такъ близко знакомый, онъ не только сумѣлъ сдѣлать свои чтенія о русской исторіи глубоко-занимательными, но и положить въ основаніе ихъ совершенно самостоятельный взглядъ спеціалиста.

СЭЛ 54753

74.984/5

53

ко

Чтобы яснѣе понять то громадное впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ С. В. Ешевскаго на насъ, студентовъ, нужно вспомнить, что студенческая и университетская жизнь того времени сильно разнилась отъ настоящаго ея развитія. Довольно вѣрная характеристика тогдашнихъ университетскихъ нравовъ представлена г. Боборыкинымъ въ его романѣ «въ путь-дорогу», и я увѣренъ, что всякій студентъ 50-ыхъ годовъ, прочитавши относящіяся къ нимъ главы романа, вполне сознаетъ, что картина, набросанная г. Боборыкинымъ, вѣрна тогдашней дѣйствительности и подробности ея нисколько имъ не преувеличены.

Студентовъ послѣдняго времени часто укоряли и укоряютъ въ томъ, что они вдаются въ занятія тѣми знаніями и предметами, которые должны быть удѣломъ болѣе взрослыхъ людей.... Студентовъ того времени (я говорю конечно о большинствѣ), можно было только укорить въ *отсутствіи* стремленія къ какому-бы то ни было знанію. Профессора историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ—опять таки повторяю, что въ числѣ ихъ я не разумѣю личностей, подобныхъ напр. В. П. Григоровичу (славянскія нарѣчія), Д. И. Мейеру (гражданское право), П. К. Бабсту (политическая экономія и статистика), Е. Г. Осокину (финансовое право)—отличались никакъ не тѣмъ, что черезъ-чуръ расширяли рамки своего преподаванія, но напротивъ, до крайности сами старались сѣзуть и безъ того тѣсную и безцвѣтную программу своихъ чтеній, такъ что нисколько не должно показаться удивительнымъ, если я скажу, что записывать ихъ лекціи не было никакой надобности: листки эти были студентами очень четко и красиво составлены дѣтъ 15 раньше, и, только замасливаясь и нѣсколько оборванные, переходили отъ одного университетскаго поколѣнія къ другому. Записывать-же за профессоромъ считалось необходимымъ только тому студенту, который хотѣлъ *отличиться*; на самомъ-же дѣлѣ и подобный записыватель занимался этимъ

приятнымъ препровожденіемъ времени лишь для формы, и приходи домой, преспокойно рвалъ свои гіероглифы, а готовился къ экзамену конечно по старымъ, уже готовымъ и отдѣланнымъ, запискамъ, гдѣ безцеремонно было зачеркнуто то, что обыкновенно профессоромъ на экзаменѣ не спрашивалось, т. е. *музыка* по тогдашнему выраженію, и напротивъ подчеркнуто то, на что онъ болѣе всего напиралъ....

Чтобы еще ближе познакомиться съ тѣмъ временемъ, расскажу объ одномъ ничтожномъ обстоятельстве, имѣющемъ однако свои опредѣленные яркія краски. Поступивши въ университетъ въ 1855 году, и проходя какъ-то по воскресенской улицѣ мимо той части университета, въ которой помѣщалась квартира инспектора студентовъ, которымъ тогда былъ В. И. Ланге, я серьезно задумался надъ вопросомъ: слѣдуетъ-ли передъ окнами инспектора студентовъ снять фуражку или нѣтъ? Видя однако проходившихъ мимо студентовъ съ фуражками на головахъ, я рѣшилъ, что это, значитъ, дозволено. Правда, подобная мысль могла родиться въ умѣ студента-новичка влѣдствіе гимназическихъ традицій, но вѣдь гимназическія-то традиціи того времени какъ нельзя лучше вязались съ университетскими. Я не придавалъ-бы значенія этому факту и видѣлъ-бы въ немъ только наибѣйшую исключительность, принадлежащую лично мнѣ, если-бы не зналъ множества ему подобныхъ изъ образа мыслей и поступковъ тогдашнихъ моихъ сверстниковъ, студентовъ-новичковъ. О старыхъ-же студентахъ (а новички, въ этомъ отношеніи дѣлались старыми черезъ какой нибудь мѣсяць спустя поступленія въ университетъ) всего болѣе можетъ рассказать въ Казани знаменитая въ то время въ студенческомъ мѣрѣ *забулочная* сторона, представлявшая тогда, въ безчисленныхъ своихъ теплыхъ пріютахъ, наибѣйшую картину нравовъ студенческой жизни.

Въ 1855 году занималъ въ казанскомъ университетѣ кафедру русской исторіи и древностей Николай Але-

Пф. 54753

ксѣевичъ Ивановъ, о которомъ тогда, хотя уже не въ полной своей силѣ, но все еще гремѣла блестящая слава. Только и слышно было: «вотъ, батюшка, профессоръ-то!... Заслушаешся!... Когда о двѣнадцатомъ годѣ читаетъ, — на-взрыдъ рыдаетъ, а за нимъ и вся аудиторія, какъ шальная реветъ!...» Замѣчу, что я почти буквально передаю отзывы о Н. А. Ивановѣ.

Настроенный увидеть и услышать какое-то чудо изъ чудесъ, съ замираніемъ сердца, вошелъ я въ первый разъ въ такъ назыв. *ивановскую* аудиторію.... Николай Алексѣевичъ читалъ о Петрѣ Великомъ.... Было гдѣ разгуляться краснорѣчію знаменитаго витія!...

Послѣ посѣщенія въ сентябрѣ 1855 года казанскаго университета бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія г. Поровымъ, о чемъ останись у меня весьма любопытныя воспоминанія, говорить о которыхъ значило-бы зайти слишкомъ далеко, разнесся слухъ, что Николай Алексѣевичъ переходитъ въ дерптскій университетъ.

Въ началѣ января 1856 года вошелъ въ ивановскую аудиторію, скамейки которой ломились отъ громаднаго числа студентовъ, собравшихся, изъ любопытства, послушать новаго профессора, молодой, худой, невысокаго роста человекъ, и сказавши слушателямъ, стоя на ступеняхъ кафедры, маленькое привѣтствіе, вслѣдъ затѣмъ вошелъ на кафедру и началъ первую свою лекцію. То былъ *Степанъ Васильевичъ Ешевскій*.

По окончаніи лекціи всѣ мы были какъ будто ошеломлены. Мы не могли дать себѣ строгаго отчета, что это такое: черезъ-чуръ-ли хорошо, или ужъ никуда не годно!

Передъ нами лилась увлекательная въ высшей степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ простая, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ и цвѣтовъ краснорѣчія, живая и умная рѣчь. Насъ поражалъ этотъ прямой, ничѣмъ не подкупленный взглядъ на вещи, какъ они есть.... Сло-

вомъ русскую исторію читалъ намъ Степанъ Васильевичъ Ешевскій, увлекательное и дѣльное чтеніе котораго навѣрное навсегда осталось въ памяти хоть однажды слышавшихъ его.

Интересъ, возбужденный лекціями С. В. Ешевскаго, былъ громаденъ. Аудиторіи другихъ профессоровъ стали пустѣть; даже студенты медицинскаго факультета, никогда не появлявшіеся въ такъ назыв. *общихъ* аудиторіяхъ, стали тутъ своими людьми. Да и какъ возможно было не предпочесть чтенію С. В. Ешевскаго чтенія какого нибудь другаго профессора, когда мы отъ него почти впервые слышали голосъ истины! Уже нѣсколькихъ словъ одной изъ его первыхъ лекцій (нужно замѣтить, что С. В. Ешевскій, собственно не читалъ, но говорилъ, руководствуясь лишь коротенькимъ конспектомъ, лежавшимъ передъ нимъ на кафедрѣ), начавшейся такъ: «исторія XVIII ст. въ Россіи, исторія славная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальная, потому что дѣятели этой эпохи оставались безъ твердой почвы подъ собою; они чувствовали свой разрывъ съ прошедшимъ и отсутствіе историческихъ преданій; они не имѣли ясныхъ сознательныхъ цѣлей для своей дѣятельности; но XVIII вѣкъ не безполезно прошолъ для насъ, и мы напрасно легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды предшественниковъ нашихъ (*);» уже нѣсколькихъ словъ этихъ было достаточно, чтобы заставить насъ полюбить исторію, такъ какъ мы въ ней начали видѣть не одни скучные панегирики и вѣчно-розовый цвѣтъ, но — исторію.

Кинувшись въ крайность, мы, студенты, о Николаѣ Але-

(*) Нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ г. Бестужевымъ-Рюминымъ, чтобы изданъ былъ въ свѣтъ этотъ курсъ русской исторіи С. В. Ешевскаго, читанный имъ въ казанскомъ университетѣ, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, хорошо составленныхъ по нему лекцій можно насчитать не болѣе двухъ-трехъ экземпляровъ. Большею-же частію лекціи эти сохранились отрывками; такъ у меня, записанныхъ мною за С. В. Ешевскимъ лекцій, осталось всего только 28.

ксѣвичѣ совсѣмъ уже забыли; тѣмъ сильнѣе и полнѣе было чуть не боготвореніе С. В. Ешевскаго. Боготвореніе это конечно со временемъ претворилось въ строгое и сознательное уваженіе къ талантливому ученому, особенно, когда на кафедрахъ казанскаго университета стали появляться чаще и чаще и другіе способные и дѣльные профессора, проникнутые потребностями современной жизни, и слѣдившіе за наукой по ея современному ходу, а не по преданіямъ, усвоеннымъ ими на скамейкахъ русскихъ, и даже заграничныхъ университетовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Приведу въ примѣръ, этаго поворота въ нашемъ развитіи, себя. Безусловная вѣра въ авторитетъ, въ непогрѣшимость каждаго слова профессора, котораго я считалъ въ первое время поступленія своего въ университетъ какимъ-то сосудомъ всезнанія и мудрости, какое-то благоговѣніе даже къ стѣнамъ аудиторіи — скоро прошли и замѣнились, вмѣстѣ съ ними, въ эту вѣру критики, болѣе серіознымъ и сознательнымъ, и стало-быть несравненно болѣе прочнымъ и глубокимъ уваженіемъ не къ авторитету, а къ наукѣ, — но чтенія С. В. Ешевскаго навсегда оставили во мнѣ, и я твердо увѣренъ, не только во мнѣ, но и во всѣхъ его слушателяхъ, самое отрадное воспоминаніе. Доказательствомъ прочности перваго впечатлѣнія его чтеній служитъ то, что курсъ 18⁵⁶/₅₇ академическаго года былъ имъ посвященъ предмету довольно сухому — пропедевтикѣ — и все таки аудиторія его, одна изъ обширнѣйшихъ во всемъ университетѣ, была всегда полна.

Лѣтомъ 1857 года С. В. Ешевскій оставилъ казанскій университетъ и вскорѣ послѣ того занялъ кафедру всеобщей исторіи, своей спеціальности, въ московскомъ университетѣ.

Я видѣлся съ нимъ послѣ того всего два раза. Одинъ — въ концѣ августа 1860 года, въ Ахенѣ, гдѣ мы вмѣстѣ прожили 5 дней, и гдѣ въ то время, никогда и нигдѣ не отвлекаясь отъ своихъ обычныхъ за-

націй, С. В. Ешевскій читалъ вышедшую теперь въ русскомъ переводѣ «исторію нидерландской революціи» Мотлея, и въ 1861 году, въ Москвѣ. И тогда уже С. В. Ешевскій сильно страдалъ отъ недуга, сведшаго его наконецъ въ могилу....

Въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1846 года нашелъ я интересныя подробности о первыхъ учебныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученыхъ трудахъ С. В. Ешевскаго, тогда — ученика VII класса нижегородской губернской гимназіи. Нисколько не перифразируя отзывъ о немъ тогдашняго редактора Ниж. Губ. Вѣд., П. И. Мельникова, приведу его слова подлинникомъ, безъ сокращеній, такъ какъ и слова, собственно не относящіяся къ С. В. Ешевскому, полны интереса для воспоминанія того времени.

«Въ концѣ 1844 года, начальство казанскаго учебнаго округа, пишетъ г. Мельниковъ, учредило въ подвѣдомственныхъ ему гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ *литературныя бесѣды воспитанниковъ высшихъ классовъ* съ тою цѣлію, чтобы молодые люди приучались къ правильности сужденій о словесности и другихъ предметахъ, входящихъ въ кругъ гимназическаго преподаванія. Такія бесѣды бывають въ нижегородской гимназіи ежемѣсячно и постоянно были одобряемы университетомъ. Читателямъ нашей газеты извѣстно одно сочиненіе, бывшее въ прошломъ году предметомъ литературной бесѣды и послѣ того еще разъ прочитанное на торжественномъ собраніи гимназіи (*). Мы говоримъ о статьѣ г. *Ешевскаго: пребываніе Петра Великаго въ Нижнемъ-Новгородѣ*, статьѣ, которая отличается основательнымъ изученіемъ матеріаловъ и благородствомъ тона и изложенія. Бесѣды учениковъ гимназіи, совершенствуясь съ каждымъ мѣсяцемъ, обрати-

(*) Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ мои поиски, я не нахожу въ рукахъ Ниж. Губ. Вѣд. за 1843 годъ, которыхъ я даже никогда и не видалъ.

ли наконецъ на себя общественное вниманіе, которое особенно обнаружилось на бесѣдѣ 31 марта.

Гг. начальникъ нижегородской губерніи, губернскій предводитель дворянства и почетный попечитель нижегородскихъ губернской гимназій и александровскаго дворянскаго института, нѣсколько дамъ и другихъ почетныхъ лицъ изъявили свое желаніе быть на этой литературной бесѣдѣ, предметомъ которой было сочиненіе ученика 6 класса гимназій *Константина Бестужева-Рюмина*. Сочиненіе его подъ заглавіемъ *графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, написано прекраснымъ языкомъ и доказываетъ основательное изученіе авторомъ русской исторіи и древностей. Главнымъ оппонентомъ Бестужева-Рюмина былъ Ешевскій, авторъ сочиненія, о которомъ было говорено выше. Кромѣ учениковъ 7-го и 6-го классовъ съ Бестужевымъ-Рюминымъ входили въ споръ и постороннія лица, бывшія на этой бесѣдѣ, и молодой авторъ прекрасно защищалъ свои мысли. Эта бесѣда могла многимъ напомнить диспуты университетскіе. Въ доказательство этого и для того, чтобы показать, что литературныя бесѣды нижегородской гимназій представляютъ изъ себя нѣчто повыше *дѣтскихъ* бесѣдъ, мы прилагаемъ здѣсь главные тезисы, которыя защищалъ Бестужевъ-Рюминъ: 1) Россія до Петра Великаго, хотя и находилась въ сношеніяхъ съ европейскими государствами, но считалась ими за государство, чуждое Европѣ. 2) Церемоніаль карловическаго конгресса со стороны императора Леопольда былъ вынужденъ необходимостью. 3) Какіе роды русской аристократіи были въ первой статьѣ и какіе во второй. Что такое статья и разрядъ? Что говорить объ этомъ Котошихинъ? 4) О происхожденіи Шереметевыхъ. 5) Лица не родословныя не могли войти въ кругъ русской аристократіи, одинъ Мининъ не можетъ служить доказательствомъ противнаго. Мѣстничество было уничтожено Федоромъ Алексѣевичемъ по видимому, настоящее уничтоженіе его принадлежитъ Петру Великому. 6) До-

стоинство ближняго боярина и намѣстника не всегда было титуломъ, даваемымъ посланникамъ и порубежнымъ воеводамъ. 7) Феодализмъ въ Германіи сохранился до 1804 года, хотя по наружности. 8) Избирательное правленіе было единственною причиною ослабленія и упадка Польши. 9) На человѣка, не выдавашаго никогда великихъ памятниковъ искусства, они должны произвести сильное впечатлѣніе по закону обще-человѣческаго вкуса.

Такихъ предметовъ спора было до 35. — Основательность сужденій, знаніе самыхъ мелкихъ историческихъ фактовъ, знакомство съ государственными актами и другими источниками русской исторіи были видны въ каждомъ словѣ Бестужева-Рюмина и его главнаго оппонента Ешевскаго. Цитаты (на память) изъ Котошихина, изъ полнаго собранія законовъ, изъ актовъ археологической комиссіи безпрестанно были приводимы обоими молодыми людьми, подающими большія надежды въ будущемъ. Всѣ посѣтители остались чрезвычайно довольны бесѣдою. Уже и теперь весьма многіе члены нижегородскаго общества изъявляютъ желаніе присутствовать на литературной бесѣдѣ, которая будетъ въ концѣ нынѣшняго апрѣля и предметомъ которой будетъ сочиненіе Ешевскаго *о началахъ и формахъ мѣстничества*, написанное имъ по дѣламъ о мѣстничествѣ, изданнымъ московскимъ обществомъ исторіи и древностей и по другимъ источникамъ (*).

Мы сказали уже, что въ гимназійи готовится новая литературная бесѣда (**), предметомъ которой назначено сочиненіе *Ешевскаго* подъ заглавіемъ «*о началахъ и формахъ мѣстничества*». Она была 22 мая, утромъ, въ присутствіи членовъ совѣта и нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, предварительно изъявившихъ желаніе участвовать въ этой литературной бесѣдѣ.

Молодой авторъ, оканчивающій теперь курсъ ученія въ гимназійи, въ послѣдній разъ вышелъ на кафедру

(*) Ниж. Губ. Вѣд. 1846 г., № 27.

(**) Тамъ-же, № 39.

Пф. 54753

этого заведения, чтобы защищать положенія своего сочиненія и предъ лицомъ членовъ гимназiи и постороннихъ посѣтителей показать историческія свои познанія, приносящiе ему большую честь. Бесѣда продолжалась около трехъ часовъ и во все это время г. Ешевскій живо, свободно и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла защищалъ свои мнѣнія, оспориваемыя присутствующими. Пріятно было слышать этого молодого человѣка, изучившаго исторію не по школьнымъ учебникамъ, но по самымъ ея источникамъ. Свои положенія онъ доказывалъ не столько пустымъ діалектическимъ словопреніемъ, сколько цитатами изъ русскихъ лѣтописей, изъ дѣлъ о мѣстничествѣ, помѣщенныхъ въ русскомъ историческомъ сборникѣ, изъ бархатной книги, изъ сочиненія Котошихина, изъ полного собранія законовъ российской имперіи, изъ актовъ археографической комиссіи и пр. тому подоб. Прибавимъ, что всѣ эти цитаты были говорены имъ наизусть и что онѣ нерѣдко были вызываемы возраженіями постороннихъ посѣтителей и притомъ возраженіями, болѣе или менѣе удалявшимися отъ главной темы сочиненія. Это служило явнѣйшимъ доказательствомъ, что цитаты Ешевскаго были плодомъ не минутнаго подготовленія, но тщательнаго изученія источниковъ отечественной исторіи.

Вотъ нѣкоторыя положенія, которыя были защищаемы Ешевскимъ: 1) Мѣстничество было проявленіемъ чести русскихъ, также какъ рыцарство проявленіемъ чести европейцевъ среднихъ вѣковъ. 2) Мѣстничество уничтожено не соборнымъ дѣяніемъ царя Θεодора Алексѣевича 1682 года, но учрежденіями Петра Великаго, узаконившаго табель о рангахъ, на которую слѣдуетъ смотрѣть, какъ на продолженіе мѣстничества. 3) Мѣстничество было ничто иное, какъ продолженіе споровъ за удѣлы. 4) Мѣстничество замѣтно было не только въ аристократіи русской, но и въ прочихъ сословіяхъ русскаго народа. 5) Мѣстничество имѣло качество государственнаго учрежденія, но ничѣмъ не было узаконено.

Это былъ обычай, отъ продолжительности времени обратившійся въ законъ. Хотя о немъ и упоминается въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, по 24 статью X главы этого закона, оно не узаконяется.

Положеній болѣе или менѣе важныхъ и новыхъ, г. Ешевскимъ защищаемыхъ, было до 80. Бесѣда была ведена очень живо и часто случалось, что она такъ сказать разъедалась, и въ разныхъ концахъ залы бывали разные споры объ одномъ и томъ-же предметѣ. Изъ учениковъ гимназій, оспаривавшихъ Ешевскаго отличался извѣстный уже читателямъ нашимъ г. Бестужевъ-Рюминъ. Онъ достойнымъ образомъ оплатилъ г. Ешевскому за тѣ возраженія, которыя онъ дѣлалъ ему на предшествовавшей бесѣдѣ.

Предметомъ слѣдующей литературной бесѣды будутъ, какъ слышно, *стихотворенія г. Араповскаго*, молодого человѣка, имѣющаго склонность къ поэзій и не лишеннаго поэтическаго таланта (*).

Вскорѣ затѣмъ, въ іюль, въ № 53 Ниж. Губ. Вѣд., было заявлено, что ученики VII класса нижегородской губернской гимназій: Степанъ Ешевскій, Александръ Подольцъ, Павелъ Розингъ и Николай Сафирскій, по окончаніи курса ученія и выдержаніи ими установленнаго испытанія, выпущены изъ заведенія, съ разрѣшенія г. управляющаго казанскимъ учебнымъ округомъ, ректора университета, съ одобрительными аттестатами. Двое изъ кончившихъ курсъ въ гимназій, говорилось въ Ниж. Губ. Вѣд., имѣютъ намѣреніе продолжать образованіе свое въ университетахъ.

Въ числѣ имѣвшихъ намѣреніе отправиться въ университетъ, былъ и С. В. Ешевскій, который вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся тогда на него надежды.

(*). Чтобы этотъ отчетъ о литературныхъ бесѣдахъ не показался противорѣчіемъ съ приведенными выше словами о гимназическихъ традиціяхъ, тѣсно вѣзавшихся съ университетскими, прибавлю, что 1845 и 46 годы были полнѣйшими исключеніями, совершенно исчезнувшими съ выходомъ изъ гимназій, вскорѣ послѣ окончанія С. В. Ешевскимъ курса, учителей исторіи П. И. Мельникова и П. В. Кроткова.

Повторяю, вмѣстѣ съ г. Бестужевымъ-Рюминымъ: «тяжелая судьба тяготѣетъ надъ русскою наукою; самыя ревностныя и безкорыстныя дѣятели ея часто сходять съ поприща. Это давно замѣчено и снова подтверждается.»

Грустно, невыносимо грустно то, что такъ рано похищаются у насъ смертью наши талантливые люди; но за то имъ выпадаетъ на долю все, что только можно пожелать себѣ по смерти, — горячее и навѣки неувядаемое сочувствіе оставшихся послѣ нихъ, не только лично знававшихъ ихъ, но и тѣхъ, въ память которыхъ врѣжется представленіе о ихъ благотворной дѣятельности изъ книжныхъ отзывовъ и изъ устныхъ разсказовъ о ней.

Александръ Гауцскій.